

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

УДК 82-3

ББК 83.3(2Рос)

DOI 10.18522/1995-0640-2021-1-19-25

«ДАМА С СОБАЧКОЙ»: НА ПЕРЕЛОМЕ ПРАВОСЛАВНОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

В.К. Зубарева

Пенсильванский университет, США

Аннотация. Главный конфликт рассказа «Дама с собачкой» трактуется как конфликт двух менталитетов – религиозного и светского, что проявляется и в системе персонажей, и в пространственной организации рассказа. В эпизоде на набережной герои оказываются между морем и храмом, между стихией и верой. То, что Анне Сергеевне кажется грехом, воспринимается Гуровым как приключение. Новое толкование получает образ собачки, ее внешний облик и функции. Автор статьи вводит в это ассоциативное поле не Анну Сергеевну, а Гурова. В контексте любовной истории, основанной не только на глубокой симпатии, но и на взаимонепонимании, проступает Россия на переломе православного мироощущения.

Ключевые слова: Чехов, «Дама с собачкой», вера, грех, свобода/несвобода, штиль.

Введение

Притягательность рассказа «Дама с собачкой» таинственна. Простая история, которую знают наизусть не только русские читатели, не перестаёт привлекать, заставляя перечитывать и передумывать происходящее в ней, ибо простое у Чехова только кажется простым, что показали работы современных чеховедов [Зубарева, 2015, Ларионова, 2017]. И всякий раз остаётся ощущение, что до дна всё-таки не достал, что осталось что-то ещё там, в глубине этого ялтинского моря и неба, этой утопающей в снегу Москвы... И это больше, шире истории двух влюблённых, встретившихся на границе тепла и холодов, на границе эпох. Да, да, именно эпох, потому что рассказ не только об истории Гурова и Анны Сергеевны, но и о переломе в сознании и душе россиян, о подспудных чеховских размышлениях о грядущем, проглядывающих на уровне позиционного стиля, присущего чеховским произведениям [Зубарева, 2018].

Историческое пространство рассказа складывается, как мозаика, из крупных и мелких деталей, которые так сплетены с сюжетом, что, кажется, только в нём и существуют и для него выписаны. Но стоит чуть отойти от сюжета, абстрагируясь на мгновение от происходящего, как

проясняется полотно отнюдь не пейзажного значения. В центре его располагается эпизод в Ореанде, куда ночью, после первой интимной близости в гостиничном номере, отравляются Анна Сергеевна и Гуров. Этот эпизод ключевой для понимания всего дальнейшего.

В Ореанде чеховские герои сидят на скамейке неподалеку от церкви и созерцают море, плещущееся внизу. Пространственное расположение деталей может раскрыть многое в художественном замысле, который у Чехова никогда не выражается вербально, напрямую и поэтому требует позиционного подхода к тексту. Именно позиционный метод отвечает за формирование позиции и создание предрасположенности героев, понять которую важно, чтобы выработать точку зрения на их будущее, всегда выступающее у Чехова со знаком вопроса [Зубарева, 2013]. Его авторская позиция сказывается не в словах, а в способе компоновки материала и отборе: «Художник наблюдает, выбирает, догадывается, komponует – уж одни эти действия предполагают в своем начале вопрос» (П. III, с. 45; далее ссылки на произведения А.П. Чехова даны в круглых скобках по изданию: Чехов А.П. Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983. С. – сочинения. П. – письма. Римская цифра – том, арабская – страница).

Исследование и его результаты

В упомянутом эпизоде природная стихия и храм являются двумя полюсами, между которыми Анна Сергеевна и Гуров предаются размышлениям. Вот как это описано у Чехова: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви смотрели вниз на море и молчали» (С. X, с. 133). Чехов располагает своих героев между стихией вод и церковью. При взгляде на море у Гурова рождаются мысли о вечности как механическом движении жизни, лишенной высшего смысла. Это мир, где отсутствует Творец, где немыслящая природа равнодушна к своим существам и где связь всего со всем чисто механическая. «Листья не шевелились на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства» (С. X, с. 13).

Интересно, что мысли о спасении возникают у Гурова при взгляде на стихию вод, хотя по идее эта концепция закреплена за церковью. Как человек светский, впитавший в себя мировоззрение естественников, столь популярное в пору расцвета естественных наук, Гуров не ищет ответов в религии. Он словно переписывает идею спасения на язык «естественного человека», и картина получается механистически унылой. Отсутствие Творца лишает вселенную высшего участия, сострадания и всепрощения. Вместо этого – равнодушие и непрерывное совершен-

ствование. Взгляд на вселенную, как на механизм, Чехов высмеивал в письмах к Суворину.

Совершенно иное мировосприятие у Анны Сергеевны. Родом из Петербурга, она, тем не менее, несет в себе целомудренность нетронутой столицей мира. Она именно целомудренна, а не провинциальна. В ее манере держаться и говорить проглядывает стыдливость почти библейская, свидетельствующая о внутренней чистоте. И грехопадение ее описано как любопытство Евы, вкусившей запретный плод («...меня томило любопытство <...> Любопытство меня жгло...» (С. X, с. 132), и живет она на Старо-Гончарной улице (в контексте наших размышлений возможна ассоциация с Ветхим Заветом и Гончаром). Она внутренне связана с Творцом и поэтому оценивает происшедшее в терминах грехопадения, искренне раскаиваясь в содеянном.

Эта часть ее мира Гурову недоступна. Поначалу он полагает, что его спутница притворяется, но после того, как убеждается в ее искреннем раскаянии, начинает испытывать скуку. Для него нарушение седьмой заповеди ничего не значит. Но не потому, что он богохульник или атеист, а потому что всё это для него и людей его круга не более чем условность. Он не любит свою жену и знает, что и Анна Сергеевна не любит своего мужа, поэтому он не видит ничего зазорного в супружеской измене – она естественна для него. И наоборот, сохранять верность нелюбимому супругу расценивается им как ханжество. Для Гурова «личное существование держится на тайне» (С. X, с. 142), вносящей элемент приключения в его жизнь, а для Анны Сергеевны – на таинстве, вере.

Чехов говорит о тенденции смены ценностей в обществе, когда мир естественных отношений, вторгаясь в сакраментальную сферу, объявляет её мораль неестественной, нелепой и даже вредной. Гуров не может понять покаяния Анны Сергеевны, потому что он тяготеет к прогрессивному полюсу. Институт брака для него не является священным, и, как для многих его современников, венчание в церкви это лишь красивый ритуал. Для верующего же это одно из наиболее значимых событий в жизни, поскольку клятва во время венчания приносится Богу. Однако в продвинутом обществе формулировка измены несколько меняется. «Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, – это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство – это не безнравственно», – иронизирует Войницкий в «Дяде Ване» (С. XIII, с. 68).

Гуров стоит на позициях Войницкого, не видя большого греха в том, чтобы изменять жене, которая к тому же «казалась в полтора раза старше его» (С. X, с. 128). Он – человек современных тенденций. Бог для него – понятие абстрактное, мифическое, умозрительное, философское, какое угодно, только не сущностное и не приложимое к его собственной жизни, текущей по законам светского общества. Звон колоколов, которым он наслаждается в субботу вечером по приезде в Москву, никак не связан с верой. Это декоративный атрибут его московской жизни, делающий её комфортной и ублажающий его слух. Только дальше колорита

дело не идёт. Неслучайно в описании возвращения звон колоколов поставлен в один ряд с газетами и ресторанами, тёплыми перчатками, отменным аппетитом и «хорошим морозным днём».

С одной стороны, герои настроены на единую волну эмоционального восприятия, когда смотрят на море и ощущают загадочность бытия. Но когда речь касается моральных ценностей, они говорят на разных языках. Гуров исповедует светскую мораль, а Анна Сергеевна – христианскую. В этой связи по-новому читается метафора дамы с собачкой как сочетание животного (собачка) с возвышенным (дама). Животное отличает естественность, идущая от инстинкта, и отсутствие стыдливости: Гуров «ласково поманил к себе шпица», и «тот подошел». Дама же «взглянула на него и тотчас же опустила глаза». Она могла бы рассмеяться, пошутить, и тогда ее поведение соответствовало бы поведению идущей навстречу знакомству собачки. Анна Сергеевна тоже делает шаг навстречу, сказав свою робкую и в чем-то двусмысленную фразу «он не кусается» (С. X, с. 129), но делает это с ощущением стыда. Как открывается позднее, стыд ее проистекает из осознания греховности, которое всегда будет мучить её.

Образ «собачки», казалось бы, закреплён за Анной Сергеевной, но ассоциируется он больше с Гуровым по нескольким причинам. Во-первых, пол собачки – мужской, а не женский (шпиц – кобель). Во-вторых, интересна этимология фамилии Гурова, которая, по мнению лингвистов, происходит от древнееврейского слова «гур», означающего «молодой лев, львенок» [Тихонов, 1995, с. 130]. Здесь вырисовывается общий знаменатель для существительных «собачка» и «львёнок»: оба соотносятся с животным миром и оба уменьшительные. В-третьих, значима порода собачки. Чехов не случайно уточняет, что это был белый шпиц. Для тех, кто не помнит, как выглядит шпиц, советую взглянуть на изображения этой интересной породы. У шпица есть одна специфическая особенность: вокруг шеи у него «воротник, похожий на львиную гриву» [Собаки. URL]. Эта деталь является отличительной для шпицев. Стало быть, в тексте шпиц и львёнок (гур) поставлены в один ассоциативный ряд. В рассказе шпиц предан своей хозяйке, любит её, но печали её понять не может. В этом смысле, Гуров, любящий Анну Сергеевну на протяжении многих лет, но упрощённо понимающий истоки её печали, функционально сближается с собачкой.

Гуров так и не найдет слов утешения для Анны Сергеевны. Спустя годы он будет сидеть в кресле и пить чай в «Славянском базаре» как некогда ел арбуз в Ялте, переживая, пока она закончит плакать. В финальной сцене Чехов бегло передает их разговор от третьего лица: «Потом они долго советовались, говорили о том, как избавить себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видаться подолгу» (С. X, с. 143). Читателю остается лишь догадываться о том, кто из героев сокрушался больше по поводу необходимости «прятаться» и «обманывать», а кто – по поводу жизни в разных городах и невозможности часто встречаться.

Сделав выбор в пользу внебрачной связи, герои перемещаются в поле несвободы, где все подчинено сиюминутному удовлетворению желаний с последующей потерей моральных ориентиров, сумятицей и бесперспективностью. В конце рассказа мелькает следующая фраза: «... им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках» (С. Х, с. 143). Здесь прежде всего интересно восприятие героями своего положения, будто навязанного им извне. Они словно забыли, что сами сделали однажды выбор, решив связать себя узами брака. И хотя о Гурове говорится, что «его женили», это скорее ирония по поводу его инертности, нежели намек на безысходность. Ни один из них не любил своего будущего спутника жизни, но это не стало помехой для их бракосочетания. Точно так же ни один из них не был влюблен, вступая в интимную связь в Ялте. Был обычный, тривиальный интерес, подогреваемый внешней симпатией, влечением. Любовь пришла позже, но это не облагораживает начального решения Анны Сергеевны разделить ложе с незнакомцем.

Сравнение с птицами в клетках звучало бы банальностью, шаблоном, несвойственным Чехову, если бы не уточнение «самец и самка», на первый взгляд излишнее для лаконичного Чехова (из контекста более чем ясно, что речь не об однополых птицах). Красивость сравнения с птицами разбивается об это ироничное уточнение, которое снижает образ любящих до самки и самца. И в этом есть смысл: отдаляясь от заповедей и отдаваясь на волю инстинкта, человек теряет своё особое положение в мире.

Заключение

В контексте этой любовной истории, основанной не только на глубокой симпатии, но и на взаимонепонимании, проступает Россия на переломе православного мироощущения. Мораль естественников подготавливает новую прогрессивную идеологию, отраженную в речах вулгарного дарвиниста фон Корена из «Дуэли», написанной семью годами раньше, революционно настроенного Пети Трофимова из «Вишнёвого сада», последнего произведения Чехова, и других чеховских героев, для которых не только супружеская измена, но и убийство инакомыслящих сограждан становится идеологически оправданным.

В «Даме с собачкой» Чехов создаёт ситуацию, когда любящие исповедуют в корне разные ценности, но любовь заставляет их примириться друг с другом. Однако простого примирения недостаточно для того, чтобы развивать полноценные отношения. Будущее Анны Сергеевны и Гурова будет зависеть не от формальностей, а от того, придут ли они к духовному единению, как приходят к нему герои «Дуэли», или всё-таки их потенциала недостаточно для дальнейшего развития, и они останутся на уровне героев чеховской комедии нового типа [Зубарева, 2011, 2014]. Без внутреннего осознания того, что их разъединяет, даже решение на-

чать совместную жизнь мало что изменило бы. Формально это было бы переменной, а реально – «продолжением прежней, пошлой и нелепой» ситуации [Ларионова, 2016, с. 84].

«Дама с собачкой» не просто «курортный миф» [Лисицына, 2018, с. 229]. Жанр курортного мифа становится предлогом для развития более глубокой темы, связанной с вопросом о том, в каком направлении движется Россия в плане отношения к православию.

Литература

Зубарева В.К. (2011). Чехов – основатель комедии нового типа // Вопросы литературы. № 4. С. 92–123.

Зубарева В.К. (2013). Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля // Вопросы литературы. № 1. С. 193–226.

Зубарева В.К. (2014). Чеховская комедия нового типа в свете теории предрасположенностей // Новый филол. вестн. № 3 (30). С. 8–23.

Зубарева В.К. (2015). Чехов в XXI веке: позиционный стиль и комедия нового типа. Калифорния: Charles Schlacks, Jr. Publisher. 277 с.

Зубарева В.К. (2018). Чехов – основатель позиционного стиля // Практики и интерпретации. Т. 3 (1). С. 54–69.

Ларионова М.Ч. (2016). Свадебный обряд в рассказе А.П. Чехова «Перед свадьбой»: игра с традицией // Новый филол. вестн. № 2 (37). С. 78–86.

Ларионова М.Ч. (2017). Повесть А.П. Чехова «Степь» в аспекте традиционной культуры // Десять шагов по «Степи». Калифорния: Charles Schlacks, Jr. Publisher. С. 74–92.

Лисицына Е.Ю. (2018). Курортный миф в «крымских» сочинениях А.П. Чехова // Вопросы литературы. № 5. С. 229–241.

Собаки. Иллюстрированная энциклопедия. Электронная книга, 2012. URL: <https://www.litres.ru/lubov-rudnickaya/sobaki-illustrirovannaya-enciklopediya-2977565/> (дата обращения 18.03.2018).

Тихонов А.Н. (1995). Словарь русских личных имен. Мичиган: Shkola-Press. 733с.

Чехов А.П. (1974–1988). Полн. собр. сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука.

References

Chekhov A.P. (1974–1988). *Complete works and letters in 30 volumes*. Moscow, Science. (In Russian)

Dogs. *Illustrated Encyclopedia. Electronic Book*, 2012. URL: <https://www.litres.ru/lubov-rudnickaya/sobaki-illustrirovannaya-enciklopediya-2977565/> (In Russian)

Larionova M.Ch. (2016). Wedding ceremony in the story of A.P. Chekhov's "Before the wedding": playing with tradition. *New philological bulletin*, no. 2 (37), pp.78-86. (In Russian)

Larionova M.Ch. (2017). The story of A.P. Chekhov's "Steppe" in the aspect of traditional culture. *Ten steps along the "Steppe"*. California: Charles Schlacks, Jr. Publisher. Pp.74-92. (In Russian)

Lisitsyna E. Yu. (2018). The resort myth in the "Crimean" works of A. P. Chekhov. *Questions of literature*, no. 5, pp. 229-241. (In Russian) DOI:10.31425/0042-8795-2018-5-229-241

Tikhonov A.N. (1995). *Dictionary of Russian personal names*. Michigan: Shkola-Press. 733p. (In Russian)

Zubareva V.K. (2011). Chekhov – the founder of a new type of comedy. *Questions of literature*, no. 4, pp. 92-123. (In Russian)

Zubareva V.K. (2013). Yegorushka's present and future: "Steppe" in the light of positional style. *Questions of literature*, no. 1, pp. 193-226. (In Russian)

Zubareva V.K. (2014). Chekhov's comedy of a new type in the light of the theory of predispositions. *New philological bulletin*, no. 3 (30), pp. 8-23. (In Russian)

Zubareva V.K. (2015). *Chekhov in the XXI century: positional style and a new type of comedy*. California: Charles Schlacks, Jr. Publisher. 277 p. (In Russian)

Zubareva V.K. (2018). Chekhov is the founder of the positional style. *Practices and Interpretations*, vol. 3 (I), pp. 54-69. (In Russian)

Vera K. Zubareva (Philadelphia, USA)

"A Lady with a Lapdog": A Breakdown of Orthodoxy

This article provides a historical perspective on the famous Chekhovian story that has been previously viewed only as a story of love with the main focus on characters' psychology. The new approach refers to a historical climate in Russian in the end of 19 century when religion lost its primary value. The conflict between the main characters is interpreted as a conflict between religious and secular mentality. Chekhov talks about a tendency of changing values in society, when the natural man's mentality dominates the sacramental sphere, declares its morality false, ridiculous and even harmful. Gurov cannot understand Anna Sergeevna's repentance, because he gravitates towards the progressive pole. The institution of marriage is not sacred for him, and, like for many of his contemporaries, a church wedding ceremony is no more than just a beautiful ritual. Just as another Chekhovian character, Voinitsky, Gurov doesn't consider cheating on a spouse a great sin. He is a man of modern tendencies. For him, God is an abstract, mythical, speculative, philosophical concept not applicable to his own life that he lives in accordance with the tendencies of a secular society. Critics often associate the image of the dog with Anna Sergeevna, but in reality it is connected rather to Gurov. First of all, the sex of the dog is male, not female (Spitz is a male). Also, in the story, the dog loves his owner, Anna Sergeevna, but he could never understand the reason for her sadness. In the same way, Gurov, though being in love with Anna Sergeevna, would never understand fully what makes her so upset.

Keywords: *Chekhov, "The Lady with the dog", faith, sin, freedom/unfreedom, Spitz.*

Сведения об авторе / Information about the author

Зубарева Вера Кимовна – докт. филол. наук Пенсильванского университета, США. E-mail: vera.zubarev@gmail.com

Vera K. Zubareva – Ph. D. from the University of Pennsylvania, USA. E-mail: vera.zubarev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.11.2020, принята к публикации 20.01.2021.

The article was submitted 26.11.2020, accepted for publication 20.01.2021.